

*Дюку Роаринг Вотер Бэй
Ты мое благословение*

*...один ушел совсем, совсем навсегда, мы останемся
одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить...
Надо жить...*

Антон Чехов «Три сестры»

Этикет можно определить как искусство общественной жизни. По многим весомым причинам здесь установились определенные традиции, как в любых других искусствах, науках или жизненных сферах, и только очень легкомысленные люди могут не обращать внимания на свод правил, которым мы руководствуемся в социальных отношениях.

Леди Трубридж «Книга Этикета»

Пожилая дама полной грудью вдыхает прохладный осенний воздух, раскидывает руки и берет безупречное верхнее *до*. Чистая, точная нота взлетает над могильными камнями, разбросанными перед ней по склону холма. Лишь вороны, сидящие высоко в ветвях окрестных сосен, да белка, что извлекает желуди из тайника у покосившегося каменного креста, слышат поразительной силы голос с прекрасным тембром.

Дама прячет руки в карманы поношенного твидового пальто, с улыбкой вспоминая красное шелковое платье, которое носила в прошлой жизни, много лет назад. Почти того же оттенка, что ее потертые туфли. Под трещинами морщин и складок на обветренном лице сохранились следы редкой красоты, а в глазах сверкает любопытство — она всматривается в пейзаж впереди. Потом начинает медленно спускаться, петляя среди могил по заиндевевшей траве. Белка стрелой взмывает вверх, испуганно дергая хвостом, но далеко от кладовой не уходит.

Когда дама добирается до тропы под холмом, она находит одинокую потрепанную розу с пунцовыми лепестками, обрамленными инеем, — цветок лежит прямо под ногами. Под-

РУТ ХОГАН

нимает и внимательно рассматривает, изумляясь хрупкой красоте, а потом осторожно кладет на ближайшее надгробие. Жизнь полна маленьких радостей, если знаешь, где искать, а блестящие глаза женщины ищут всегда, и находят — даже в самые темные времена и в самых темных местах.

Черный силуэт падает с неба, опускается перед ней, поправляет перышки и громко каркает. Появляется еще одна ворона, потом еще и еще. Их становится все больше, они следуют за ней в парк через ржавые кованые ворота — некоторые прыгают по земле, некоторые парят над головой. В парке почти никого нет, только несколько собачников да группа школьников, идущих домой короткой дорогой. Дама достает из кармана пальто бумажный пакет и рассыпает вокруг содержимое.

Пока вороны хватают и поедают свой насущный хлеб, дама с восхищением смотрит в небо: темные облака подсвечены медными отблесками заката.

Маленькие радости.

1

Маша

Несколько лет назад...

Сегодня температура воды в бассейне 6,3 градуса — не много теплее, чем в морге, но ведь и я еще не совсем мертва.

Туман низко висит над голубой плоскостью воды, словно сухой лед над сияющим танцполом дискотеки, но в глубине, под блестящей поверхностью, меня ждет последний танец, танец смерти. *Данс макабр*. Пронзительный холод притупляет сильную боль, как ледяная примочка, и меня начинает клонить в сон. Тело инстинктивно пытается бороться за жизнь, и я чувствую, как горят легкие, отчаянно требуя воздуха.

Но мой разум, как у Майора Тома из песни Дэвида Боуи, совершенно спокоен.

Говорят, за секунду до смерти перед глазами пролетает вся жизнь, но в моем случае это лишь один фрагмент. Мгновение, когда я проснулась, а он исчез. Те последние секунды, когда мои тело и душу еще объединяла хрупкая алхимия под названием «быть живой». Но дух мой утомлен невыносимой скорбью, и душа жаждет проститься с плотью и кровью, которые называла домом.

Такое облегчение — просто отпустить.

2

Элис

Несколько лет назад...

Насыщенный сладкий аромат ириса и фруктов наполнил кухню, когда Элис открыла духовку и осторожно достала горячую форму. Ананасовый пирог-перевертыш. Любимый пирог Мэтти. Элис глянула на часы. Он скоро вернется домой, как обычно, страшно голодный после тренировки в бассейне. Сегодня у Мэтти было квалификационное тестирование, оно включает множество испытаний, в том числе — базовые спасательные навыки. Элис не сомневалась: он справится без труда. С раннего детства он совсем не боялся воды и научился плавать еще до школы.

Элис бросила в раковину несколько картофелин, чтобы почистить к ужину, для пастушьего пирога — еще одного фаворита Мэтти. Сегодня ей хотелось его побаловать, не только за тестирование, но и просто из безмерной любви: она всегда переживала, что недостаточно часто ему об этом говорит. Возвращение Мэтти из школы было кульминацией ее дня. Закончив с картошкой, Элис поставила ее вариться и перевернула пирог из формы на тарелку. Снова посмотрела на часы. Остались считанные минуты. Элис стерла ладонью пар с кухонного окна, чтобы увидеть, как он идет по дороге, и вскоре там появилась растрепанная фигурка: пиджак рас-

Мудрость Салли

стегнут, несмотря на холод, галстук съехал, шнурок развязался. На одном плече рюкзак, на другом — спортивная сумка, и широкая улыбка на лице. Он ворвался в дом, хлопнув дверью, бросил рюкзак на стул, а спортивную сумку — на пол и ринулся напрямик к пирогу.

— Не так быстро, молодой человек! — воскликнула Элис, улыбаясь его нетерпению. — Как успехи?

— Прошел! — заявил ее сын и победоносно поднял кулак, не сводя глаз с пирога.

— Я не сомневалась, — сказала Элис, потрепав его по влажным волосам. — А теперь иди переодеваться, отнеси мокрые вещи в ванную, и *потом* можешь приниматься за пирог.

— Мааам, — добродушно запротестовал Мэтти, но поднял спортивную сумку и понесся вверх по ступенькам. Элис едва успела отрезать кусок пирога, а он уже переделся и вернулся на кухню.

3

Маша

Настоящее время

Сегодня температура воды в бассейне — 10,4 градуса, и холодный ветер скользит по поверхности воды. Открытый бассейн «Чарльстон Лидо» появился в 1931 году — украшение города и прекрасное место отдыха. Но к середине 1980-х плеск воды и детский смех превратились в призрачное эхо. Прошло еще двадцать лет, плитка в пустом бассейне потрескалась, облетела и проросла сорняками. Стены раздевалок покрыла мягкая плесень, а флажки, висевшие вдоль дорожек, беспомощно бились о дно, как умирающие рыбы. Возрождение бассейна стало маленьким чудом, его совершила упорная группа обычных увлеченных людей, живущих по соседству: некоторые из них научились здесь плавать, когда были детьми. И лично я им очень благодарна. Бассейн, где я училась барахтаться по-собачьи, ухватившись за грязный прямоугольник полистирола, одетая в нейлоновый купальник с отвисшей попой, прятался в унылой бетонной коробке, где воздух загустел от теплой вонючей хлорки и можно было подхватить грибок с любой поверхности. Чарльстон на закате — место неземной красоты. Но еще он — моя епитимья.

Каждую неделю я прихожу сюда, чтобы утонуть. Почти.

Мудрость Салли

Я спец по утопающим, и я прилежно училась. В мельчайших подробностях знаю работы Франческо Пиа. Франк — седой лис с двумя научными степенями и широкой улыбкой. Он проработал спасателем больше двадцати лет и стал всемирно признанным экспертом, легендой в своем деле. Утопающие. Его специальность — утопающие. Я могу дословно пересказать его «инстинктивную реакцию тонущего». Ролик сохранен в закладках у меня на «Ютубе».

Сегодня земля блестит от мороза, а значит, меня ждет обжигающе ледяная вода, но она, как всегда, принимает меня в русалочки объятья, увлекая все глубже и глубже. Сначала я просто окунала голову под воду в ванной. Но этого оказалось недостаточно. Моя ванная — слишком уютное место, чтобы всерьез играть в опасные игры со смертью. В бассейне я доплываю под водой до ступеней в глубокой части и держусь за перила, пока легкие не начинают разрываться от боли, но не тону. Почти. Японские ныряльщики за жемчугом до семи минут задерживают дыхание в поисках подводных сокровищ, но средний человек выдерживает от тридцати до сорока секунд. Мой личный рекорд пока — скромные две минуты. И это было мучительное водное самоистязание.

После заплыва (я вынуждена немного поплавать, иначе это выглядит странно) я возвращаюсь в свой уютный эдвардианский дом с высокими потолками и не менее высокими счетами за отопление — щедрое наследство от бабушки по материнской линии единственной внучке. Мне навстречу с незаслуженным восторгом выбегает Хайзум, мой волкодав. Длинноногий волосатый пес с глазами ангела и дыханием гоблина. Вообще-то, он — мой смысл жизни. Правда. Он обожает все отвратительное и неуместное, а в его меню успело побывать почти все содержимое компостного бака, птичий

помет, целые дольки чеснока, кусок мыла,дохлая лягушка и пара резиновых перчаток. У меня космические счета за ветеринарные услуги.

Перекусив сэндвичами и чипсами с солью и уксусом, я усаживаюсь за стол и делаю вид, что работаю. Мне повезло, у меня есть возможность трудиться из дома, а если нужно встречаться с клиентами, то я принимаю их в специальном месте, а не у себя. Боже упаси! Хайзум угрюмо валится на лежанку, разочарованный, что дальше по расписанию — не прогулка. Я проверяю электронную почту, захожу на любимый словарный сайт, чтобы посмотреть слово дня (паупер — бедняк, голодранец, нищий), и неизбежно забредаю на «Ютуб». Как мы вообще теряли время до изобретения интернета? Я стойко держусь около часа, но потом сдаюсь. Обычно посещение Чарльстона ненадолго успокаивает моих внутренних демонов. Но не сегодня.

Услышав, что я сняла с крючка поводок, Хайзум оживляется: угрожающий вихрь из лап и волос проносится по покрытому плиткой полу кухни. До кладбища идти совсем недолго, через парк. Холодный свежий воздух еще хранит земляные, осенние ноты и опьяняет с каждым вдохом. Если бассейн — моя епитимья, то это место — мое убежище, и сегодня здесь сказочно красиво. Прекрасный образец кладбища-парка викторианской эпохи: люди того времени принимали смерть очень красиво. Деревья стражами возвышаются над рядами внушительных надгробий и изящных скульптур. Больше всего мне нравятся ангелы, их здесь целое воинство. Некоторые, на детских могилах, — маленькие, с неоперившимися крыльями и нежно сложенными в молитве ладонями. Другие стоят молчаливыми стражами, опустив взгляд и охраняя тех, кто лежит у них под ногами,

Мудрость Салли

а третьи протягивают руки к небу, расправив крылья, готовые к полету.

Но есть среди них особенный. Я очарована каждой изящной линией, каждым изгибом отполированной мраморной фигуры и выражением безмятежности на лице. Это Кейт Бланшетт от ангелов, она склоняет колени над могилой в самой старой части кладбища, довольно близко к часовне. Но если когда-нибудь она решит расправить крылья, то, несомненно, улетит прямо в рай самым грациозным образом.

Надеюсь, рай существует. Потому что, когда умирает человек, которого ты любил сильнее всех, это единственное место, где вы можете воссоединиться, но если рай — просто фантазия или городская легенда, надежда обрести его вновь исчезает навсегда.

— Но, если он все же существует, попаду ли туда я?

Я знаю, ангел не даст ответа, но всегда нахожу утешение в ее прекрасном лице. Я не следую никакой конкретной религии. Я не коллективист, скорее одиночка. При одной мысли о незнакомцах, которые будут обнимать меня и рассказывать о любви, своей и Бога, мне хочется убежать за тридевять земель. Откуда им знать? Может, он меня не любит. Я бы сочла благословением, если бы мое периодическое богохульство, патологическую нетерпимость к слабакам и плохим водителям и прогулы уроков богословия в тринадцать лет удалось компенсировать любовью к животным и довольно упорными — хоть и не всегда успешными — попытками быть порядочным человеком. Ведь это, несомненно, гораздо важнее чьих-то деспотичных религиозных правил?

— Как думаешь?

По-моему, этот ангел вовсе не похож на бюрократа. Сочту ее молчание за согласие. И хотя я не коллективист, но

многие хотели бы присоединиться, а их просто не принимают. Предпочитаю называть себя фрилансером в плане религии. Мне нравятся ангелы, и потому я неизбежно благоволю религиям, где присутствует ангельское начало. Если они порицают неуместные объятия, то совсем хорошо.

Земля покрыта влажными листьями — они уже гниют, сменяя кристальные осенние оттенки на зимнюю серо-коричневую грязь. Хайзум копает их носом, жадно вдыхая запах ежей, лисиц и бог знает чего еще. Я же слышу лишь аромат свежевскопанной земли и гниения. Одинокая ворона, словно часовой, сидит на могильном камне с крестом и якорем, наблюдая за нами с тревожным подозрением. Она протестуяще каркает, когда мы подходим слишком близко, а потом широко расправляет черные крылья и взмывает на одну из темных высоких елей. Пара белок носится вверх и вниз по грубой коре толстого ствола, играя в догонялки, как восторженные дети, а Хайзум пристально наблюдает, удрученный, что их не достать. Золотистый вечерний свет медленно утекает прочь, и теперь я чувствую запах костра. Скоро все ангелы скроются в тенях.

Но мою могилу ангел венчать не будет. И на похороны не придет никто, кроме гробовщиков и священника. Не будет ни цветов, ни гимнов, ни слезливой музыки. Вообще никаких слез. Потому что скорбеть будет некому. Дом престарелых — или, как я их называю, Хэппи Энды, — где я, скорее всего, проведу старость, дожидаясь смерти в уродливых платьях и туфлях, воня дешевой присыпкой с запахом розы и мочой, и с пятнами красной помады на зубах, будет очень рад от меня избавиться. Священник, который, конечно же, будет низеньким и щуплым, с маленьким подбородком и шепелявым голосом, и в бежевых трусах под облачением (или, в наши

Мудрость Салли

времена зарождающегося равенства, в больших застиранных дамских трусиках и бюстгальтере, столь же соблазнительном, как кресло стоматолога), затолкает мой гроб в печь со словами: «Громолеты, вперед!».

Если повезет, мне даже достанется молитва.

Разумеется, я мечтаю вовсе не о таких похоронах. Я бы предпочла стеклянную погребальную колесницу с двумя шикарными черными жеребцами, и чтобы мой гроб внесли в изумительную готическую церковь под звуки «Каста Дивы» из оперы «Норма» Беллини. Не удержусь от искушения и добавлю модель в тельняшке от Жана Поля Готье. Священник будет высоким, темноволосым и харизматичным — достаточно праведным, чтобы служить Господу, и достаточно божественным для меня. Элегантно одетая паства будет скорбеть искренне, но достойно. Мой гроб проскользнет сквозь сиреневые бархатные занавески под песню «Жизнь в розовом цвете», и, разумеется, со мной будет прощаться любимый мальчик.

В моих мечтах.

Когда мы уходим с кладбища, день угасает, уступая место расплывчатому миру теней, и парк напоминает иллюстрацию Артура Рэкхема: высокие черные деревья простирают длинные острые ветви в кроваво-багровом небе. Уличная эстрада — призрачный силуэт на фоне пятнистых оранжевых и малиновых облаков, вуалью покрывших осенний закат во всем его великолепии. Мы срезаем путь по грязной траве, уже жесткой от мороза: Хайзум мечется по все стороны, выискивая воображаемых маленьких существ и отвратительные запахи, а я уверенно иду вперед, стараясь не походить на легкую цель для грабителя, который ищет, где бы пожить-ся мобильником. Когда мы выходим на тропу, я вижу малень-

кую, оборванную фигурку пожилой женщины, которая кормит ворон. Каждый вечер она приносит пакет хлеба для шумных черных птиц, которые слоняются по верхушкам деревьев в той части парка, что граничит с кладбищем. Беспокойно толкаясь на траве в ожидании хлеба, вороны напминают компашку угрюмых подростков, околачивающихся на углу улицы. Женщина укутана в залатанное твидовое пальто на несколько размеров больше, чем надо, на ней красная шерстяная шапка с помпоном и красные туфли Мэри Джейн* с коричневыми носками. Моя бабушка всегда говорила: «Шляпа красна, а трусиков нет». Я мысленно прозвала незнакомку «Салли в красных туфельках», но понятия не имею, как ее зовут и есть ли на ней нижнее белье.

— Здравствуйте, — кричу я, когда мы выходим на дорожку. — Вечером будет прохладно.

— Отвали, — с улыбкой отвечает она. — Проклятые дрозды сожрали весь мой хлеб.

Ее лексика совершенно не соответствует поведению. У Салли безукоризненные манеры, и она прекрасно владеет бранными словами. «Отвали» в ее устах значит «добрый вечер». Словно словарь у нее в голове перемешался и значения всех слов поменялись местами. У нее бывают периоды просветления, когда она придерживается общепринятых норм, но не сейчас. Возможно, это просто процесс, обратный пройденному нами в раннем детстве, — изучение новых слов и их сопоставление со значениями, как в той карточной игре, когда все карты лежат лицом вниз и вы по очереди переворачиваете по две, пока не подберется пара. В детстве я очень любила придержать какое-нибудь интересненькое словечко,

* Модель туфель на небольшом каблучке и тонкой подошве, с ремешком на подъеме и круглым носком. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Мудрость Салли

пока не представлялся случай связать его со значением. Я держала при себе слово «хер», пока однажды, лет в девять, не вставила его в беседу с мамой. Она так и не смогла снабдить меня точным значением, но шлепок по попе донес основную суть. Возможно, подобранные пары Салли просто постепенно разваливаются.

Она кидает остатки хлеба на траву, и Хайзум торопится заглотить несколько кусков, прежде чем я успеваю оттащить его за поводок. Мое «до свидания» теряется в хлопанье крыльев ворон, высккивающих последние крошки и дерущихся из-за них. Мы идем привычным маршрутом — вдоль лужайки для боулинга у ограды кладбища, а потом снова по главной аллее, к уличной эстраде. Встревоженный крик дрозда эхом разносится в полумраке — птица напугана Хайзумом, тщательно исследующим кусты и заросли трав. Я снова чувствую запах дыма, люди возвращаются домой с работы, включают свет и разжигают камин в больших викторианских домах возле парка.

Зайдя домой, Хайзум несетя напрямиком к миске с водой, пьет с шумным чавканьем и оставляет на кухонном полу дорожку слюны с водой, на которую я немедленно наступаю, сняв ботинки у входной двери. Я всегда думаю, что после вечерней прогулки хорошо выпить чашечку чаю.

Но сегодня, как обычно, наливаю себе бокал вина.